

Яков Бутков

**Невский проспект,
или Путешествия Нестора
Залетаева**

ЯКОВ БУТКОВ

**Невский проспект,
или Путешествия
Нестора Залетаева**

«Public Domain»

1848

Бутков Я. П.

Невский проспект, или Путешествия Нестора Залетаева /
Я. П. Бутков — «Public Domain», 1848

«С глубоким смирением вступил Залетаев в залу дворянского собрания. Он даже оробел, съежился и отчасти поглупел, очутившись в первый раз на своем веку в таком знатном и благополучном месте. Бросив вокруг себя торопливый взгляд, он не мог открыть ни одного темного уголка, в котором прилично бы ему было поместить интересные особенности своей фигуры; синий фрак с беспощадно сияющими пуговицами, черные перчатки, восстановленные с большим искусством, шляпенку весьма преклонных лет и прочие предметы, бесспорно имеющие неоценимое достоинство в археологическом отношении...»

Содержание

I. Карета	5
II. Первый выезд	10
III. Человека	14
IV. Приключения фиолетового человека	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Яков Бутков

Невский проспект, или Путешествия Нестора Залетаева

I. Карета

С глубоким смирением вступил Залетаев в залу дворянского собрания. Он даже оробел, съезился и отчасти поглупел, очутившись в первый раз на своем веку в таком знатном и благополучном месте. Бросив вокруг себя торопливый взгляд, он не мог открыть ни одного темного уголка, в котором прилично бы ему было поместить интересные особенности своей фигуры; синий фрак с беспощадно сияющими пуговицами, черные перчатки, восстановленные с большим искусством, шляпенку весьма преклонных лет и прочие предметы, бесспорно имеющие неопределимое достоинство в археологическом отношении.

Умалаясь и исчезая пред лицами, наполнявшими залу, он едва осмелился вмешаться в толпу, когда услышал возле себя знакомый голос и неожиданно столкнулся с знакомым лицом.

– А! И вы здесь, Залетаев? – произнес толстый и почтенный господин, посмотрев на него с изумлением.

– Я, Павел Александрович, на минуточку, по собственной надобности, – отвечал Залетаев в совершенном смущении.

Толстый и почтенный господин отвернулся и исчез, оставив Залетаева на жертву угрызням совести.

«Ну, что же в этом есть удивительного или подозрительного, что я тоже решился содействовать... успеху благотворительной лотереи?» – думал он, обводя благоговейным взглядом колоссальную залу и все, что сообщало ей жизнь, смысл и значение. Тут он снова присмирел и умалился перед недоступным величием окружавшей его действительности. Весело и свободно кипела вокруг него чуждая ему жизнь, и в шуме тысячи голосов слышался ему один сокрушительный вопрос: «И ты здесь, да зачем же ты здесь, Залетаев?»

«И понесло же меня! Нет, чтоб сидеть в своем углу да изыскивать другие средства!» – рассуждал он, предаваясь позднему раскаянию, что необдуманно потянулся туда же за другими.

Между тем разыгрывалась лотерея-аллегри. Роковые колеса фортуны были осаждаемы искателями счастья. Он сам, выдвинутый толпою, стоял тут же, у своенравного колеса, которое кружилось и дарило, кого хотело, сервизами, бронзою, экипажами, гамбсовскую мебелью и всякими вещами и вещицами... Только все это, очевидно, не для него было назначено, а ему бы, может быть, и хотелось иметь тоже какую-нибудь долю в существенных интересах, одушевляющих исключительное народонаселение залы дворянского собрания.

И вот, робея и строго держась в пределах своего звания, он возложил на алтарь фортуны свой кровный полтинник и спросил себе билетец, а получив билетец, кинулся с ним на простор, хотел в ту же минуту развернуть его и смело посмотреть, до какого, наконец, благополучия добился он после долгих хлопот, надежд и золотых мечтаний в уединенной камерке у Каменного моста; но едва он приступил к исполнению такого естественного намерения – «сила души» ему изменила, билет задрожал в руке его, сердце забилося тоскливым предчувствием, и в ушах зазвенел насмешливый голос: «И ты здесь, Залетаев?»

«Серебряный сервиз... ну, положим, что серебряный сервиз мне вовсе не приличен... а что-нибудь?... Неужели ничего?... Вот то-то и есть, что ничего!» – рассуждал он, стараясь про-

никнуть в таинственную сущность своего билета и доходя до правдоподобного заключения, что, может быть, он и «ничего» не выиграл... Но как же это можно – ничего? На каком это основании? Разве он не расчел уже всего вперед, не предусмотрел всех обстоятельств, при которых именно должно последовать его обогащение?..

И должен он был с горестью сознаться, что действительно ничего не расчел вперед, и чувствовал он, что далеко забрался с своими надеждами и планами. Сильный и вовсе не своевременный припадок благоразумия начинал одолевать его. Уже ему казалось, что сам он будто бы напрашивается на чувствительные щелчки и всякие неудачи, потому что живет вне здоровой действительности, обратив свою темную каморку в сказочный мир, в котором властвует по прихотям своего необузданного воображения – выигрывает сервизы, поселяется на Невском проспекте и мстит обществу за то, что оно не знает о его существовании в каком-то чулане, а когда придется выиграть сервиз в действительности, так он и не выигрывает; когда придется стать лицом к лицу хоть с Павлом Александровичем, так он и пятится, и умалется, и исчезает, и ничего благоразумно не может сделать, а только глупостей наделает, впадет в ребячество и малодушие, измучится в своей неразумной суетливости, убавит себе доброго здоровья в соприкосновении с действительностью и, возвратясь домой, в свой темный уголок, растянется на железном ложе и учнет грезить, услаждать себя приятными видениями, распинать свое воображение, чтоб оно создало ему поскорее, сию же минуту, благополучную жизнь по самому новейшему сумасбродному проекту.

Изнемогая под бременем несвоевременного благоразумия, Залетаев готов был бросить свой билет и бежать подобру-поздорову в знакомый угол у Каменного моста, когда заметил, что около него вертится и юлит маленький человечек – весь на пружинах, точно живой, в замечательном фраке темнокоричневого цвета и не менее замечательных дополнениях к этому фундаментальному костюму; вообще он был одет и выбрит с такую благопристойностью и его подвижная, беспрерывно играющая и изменяющаяся физиономия выражала такое полное самоотрицание, что Залетаев сразу узнал в нем своего брата, даже младшего брата по человечеству.

– Осмелюсь вас спросить? – начал этот человечек, по-прежнему разыгрывая на своей физиономии разные приятные штучки и сгибаясь всею своею фигурою в глубочайшее почтение и совершенную преданность.

Залетаев, довольный, что встретил хоть одно существо, которое не может поразить его юпитеровским взглядом и как будто само отдается под его защиту и покровительство, стал вырастать в собственных глазах и почувствовал возвращение развязности и одушевления, сопутствовавших ему из каморки у Каменного моста и утраченных при входе в залу дворянского собрания.

– Что вам угодно? – спросил он с совершенною благосклонностью.

– Я насчет вашего нумерочка... Я и сам брал билетец, только мне ничего не выпало, так я и осмелился, из любопытства, спросить, какой у вас нумерочек?..

– Нумерочек?

Залетаев, ничего не понимая, смотрел на странного человека; потом вдруг спохватился и развернул свой билет.

– Так и есть – нумерочек! Это я, осмелюсь вам доложить, чувствовал, что у вас должен быть нумерочек! – воскликнул человек в восторге. Его физиономия и вся его фигура заиграла и задвигалась, точно как будто он сам был счастливым обладателем «нумерочка».

Действительно, на билете, который развернул Залетаев, вместо доброжелательной надписи «Аллегри», была написана маленькая, но существенная цифра, обозначающая номер выигрыша...

– Какой он маленький! – продолжал человек, кружась около Залетаева... – Это – я его знаю: на маленькие нумерочки выпадают большие выигрыши, а на большие номера маленькие выигрыши.

Все это говорил он с одушевлением, восторгом и смехом; но говорил и смеялся он так тихо, что один Залетаев мог его слышать. Вдруг он засуетился пуще прежнего, сунул руку в боковой карман своего темнокоричневого фрака, вынул печатную тетрадку и встряхнул ее легонько – из нее выкатился четвертак; четвертак он снова опустил в карман, а тетрадку развернул и, поднеся ее к глазам Залетаева, показал ему строки, написанные под тем самым номером, который был обозначен на его билете. Залетаев прочитал следующее:

«Карета на горизонтальных рессорах, работы мастера Иохима, ценою в тысячу двести рублей серебром».

Только что Залетаев взглянул в тетрадку, строки и буквы зарыбились в глазах его. Бесчисленные лица, мелькавшие вокруг него, слились в одну волнующуюся массу; пол под ним закружился. «Карета» пронзительно зазвенела в ушах его – он задрожал, обомлел и, пошатнувшись, готов был непристойно растянуться на полу, если б человек во-время не поддержал его.

Когда Залетаев минуту спустя несколько опомнился и посмотрел вокруг себя с глупою, безобразною улыбкою, человек отступил от него шага на два и все вертелся у него перед глазами; но, заметив на воротнике его фрака маленькое постороннее пятнышко, поспешил уничтожить его и стал дуть на него усердно и заботливо, пока не удостоверился, что пятнышко было не постороннее, а, так сказать, родимое.

Потом он снова принялся за прежний маневр: отступал, приближался, переходил с места на другое, стараясь попасть на линию зрения Залетаева; попадал несколько раз, но Залетаев только шептал что-то про себя и улыбался; наконец он кашлянул решительно, сжался в глубочайшее почтение, приблизился к Залетаеву и произнес своим тихим голосом, с улыбкою и гримасами, которые беспрерывно изменяли лицо его:

– Осмелюсь вас спросить... вам угодно, может быть, посмотреть карету?

– А, а! – отвечал Залетаев утвердительно и, сильно покачнувшись всею своею фигурою, двинулся вперед.

– Осмелюсь вам доложить – не в ту сторону, а вот – сюда-с! – продолжал человек, указывая Залетаеву истинный путь к карете.

Залетаев отправился нетвердым шагом по указанному ему направлению, а человек побежал перед ним мелкою рысью, оглядываясь на него и почтительно ему кланяясь; если встречалась толпа, которую нельзя было обойти, он разводил ее руками, приговаривая с поклоном, улыбкою и гримасами: «Извините – это вот им нужно: они выиграли карету», – и он указывал головою на Залетаева, который таким образом все подвигался к своей цели свободно, между двумя рядами расступавшейся для него публики, и, наконец, очутился благополучно перед своею собственностью.

Громадная изящная карета засверкала перед глазами Залетаева и ослепила их на минуту. Он снова почувствовал припадок, но успел пересилить себя и удержался в благопристойном виде. Тогда он погрузился в созерцание обширной, многосторонней идеи, выражаемой каретою, и скоро всякая действительность, его окружавшая, кроме кареты, исчезла из его сознания, и он сосредоточился в своей великолепной карете и помчался далеко-далеко за пределы благополучного города Санкт-Петербурга.

А между тем вокруг него вырастал толпа людей весьма любознательных и светских. Сотня ясновидящих лорнетов была направлена на него отовсюду. Его наблюдали со всевозможных точек зрения, как человека, не следующего в одежде своей законам суетной моды; как человека, по-видимому не настоящего звания, – как господина, в котором может встретиться надобность, потому что он, очевидно, состоит в связях с фортуною, как особу, которая

в таком прекрасном экипаже, без сомнения, выедет на хорошую дорогу, и как существо нравственное, подверженное различным уклонениям с хорошей дороги.

Человечек заботливо следил за всеми движениями увеличивавшейся толпы, и когда она возросла до того, что негде было повернуться Залетаеву, он поспешил очистить для него свободное местечко.

– Позвольте, господа, немножко: они выиграли карету и желают осмотреть ее – позвольте-с! – говорил он окружающим.

– Ах, боже мой! Он так расстроен! – заметила одна чувствительная и пожилая дама, обозревая Залетаева в лорнет.

– Ничего-с! – отвечал человечек. – Это они временно, потому что выиграли карету. Я их представлю благополучно.

– А карета, вероятно, очень много для него значит? Он беден?

– У-у, как беден! – подтвердил человечек.

– И много страдал? – спросили разом четыре дамы.

– Очень-очень – и все за правду!

– Представьте, какое несчастье! А что он, ваш друг, имеет семейство?

– Многочисленное: жена, дети, всего тринадцать душ!

– Какая жалость! И он все переносил безропотно?..

– Ни одного слова!

– И не служит?

– Ни-нигде! – воскликнул человечек и вдруг закружился на одном месте, огляделся и юркнул в самую глубь толпы вслед за Залетаевым, который, осмотрев карету и корчась от неудержимых порывов удовольствия, по-видимому решил уйти и действительно шел уже по лестнице.

– Осмелюсь вам доложить... осмелюсь вам доложить... – кричал человечек, догоняя его на лестнице.

– Что? – спросил Залетаев, останавливаясь.

– А шинель?.. Вы изволили забыть шинель – позвольте на одну минуточку.

Залетаев остановился. Человечек исчез на минуту в толпе и вдруг вынырнул с собственной шинелью Залетаева.

– Позвольте – я вас... закутаю, вот так... – проговорил он, одевая его: – а билетец, нумерочек – с вами-с? Не извольте уронить-с!

Залетаев только мычал что-то, улыбался и как будто вовсе не понимал, что с ним делается.

– Теперь все-с! Пожалуйте-с! – продолжал человечек, взяв Залетаева под руку и сводя его с лестницы.

Тут только, очутившись на улице, Залетаев вышел из своей глубокой сосредоточенности на одной идее... Дохнув свежим воздухом, он почувствовал благоразумное побуждение не поддаваться сильным впечатлениям, освидетельствовал свой лотерейный билет, бережно положил его в боковой карман и отправился в знакомую особую комнату у Каменного моста.

«А где ж этот человек?» – вспомнил он, останавливаясь и оглядываясь на перекрестке Михайловской улицы и Невского проспекта.

Человечек на пружинах пропал, как в воду канул. Несколько минут Залетаев вглядывался в темные фигуры, которые изредка мелькали по опустелым улицам, но то были всё дворники да ночные бабочки. Две бесконечные линии газовых фонарей освещали перед ним громады зданий Невского проспекта, и Залетаев, забыв человечка и свою особую комнату, надолго погрузился в созерцание великолепной местности, которую он ежедневно пробегал в скромном виде природного пешехода.

«А что, если бы так... подобно графу Монте-Кристо?»¹ – подумал он, сильно взволнованный новыми ощущениями, которые вызвало в нем созерцание Невского проспекта.

«Только никому ни слова – ни за что! – продолжал он, гонимый холодом по направлению к Каменному мосту. – До времени – все держать в глубочайшей тайне!»

¹ *граф Монте-Кристо...* – Граф Монте-Кристо – герой одноименного романа Александра Дюма (1803–1870), наполненного множеством невероятных приключений.

II. Первый выезд

Ровно через сутки после лотереи аллегри Залетаев очутился в Александрийском театре, на представлении дремучих «Костромских лесов». Впрочем, не «Костромские леса» привлекли его сюда, а Павел Александрович, который был здесь с дочерью Настасьей Павловной и с господином Громотрясовым. Их-то он следил и наблюдал бдительным оком из своего темного угла за партером. Пьесы он не видел и не слышал, сосредоточив все свое внимание на одной ложе в третьем ярусе, где помещались знакомые ему лица. Только изредка страшные вопли героя драмы возбуждали в нем трепет, и он невольно отрывался на минуту от своей цели. Наконец представление кончилось. Публика хлынула из театра, и Залетаев, пробившись сквозь тесную толпу, выбежал в коридор и остановился, едва переводя дух от сильного волнения по случаю приближения решительной для него минуты.

С четверть часа стоял он в коридоре у подъезда, ожидая чего-то, и уже приходил в отчаяние, когда заметил на лестнице всех – и Павла Александровича, и Настасью Павловну, и господина Громотрясова. Они тоже заметили его. Он остановил на них дерзкий, насмешливый взгляд, как будто вызывая знакомый ему вопрос: «И вы здесь, Залетаев?» Но вопроса никакого не было.

«Так вот они теперь немножко и съехали! – подумал Залетаев. – Теперь они только молчат да удивляются. А что-то будет, когда я еще и не такую сделаю штуку!»

Тут, приготовясь сделать штуку, он почувствовал себя в крайнем затруднении и замешательстве: человека у него не было, а самому как-то неловко было действовать перед публикою в такой роли.

«Человека нужно! Ну, поди теперь без человека – все дело испортил!» – думал он, увинаясь около жандарма и стараясь как будто укунить его за ухо.

– Жандарм! Служивый! – начал он вполголоса. – Послушай! Вели, братец, пожалуйста... – Тут, к величайшему его изумлению – откуда ни взялся, точно из-под полы у него вынырнул знакомый ему по вчерашней встрече маленький человечек на пружинах, – живо, быстро и странно он подвернулся к Залетаеву, поклонился ему с глубочайшим подобострастием – улыбаясь и выделявая на лице своем разные приятные для зрения штучки, и доложил скороговоркою: «Сию минуточку-с!», потом шмыгнув к жандарму, поюлил около него, сказал ему что следует и остановился у подъезда с шляпою в руках, обратив почтительный взгляд и играющее лицо свое к Залетаеву.

Вслед за тем раздался потрясающий голос жандарма:

– Карету господина Залетаева!

Господин Залетаев, закутавшись в шинелишку, вздрогнул всеми своими нервами от этого восклицания. Дело было ясное, – но ему даже не верилось, что оно ясное, что нет в нем ошибки или недоразумения, – так велико было благополучие, до которого он дожил после многих испытаний! Сердце его билось сладким ощущением абсолютного счастья. В восторге он готов был кинуться на шею к жандарму и, расчувствовавшись совершенно, едва мог удержаться от радостных слез.

Выдержав первый порыв восторга, Залетаев бросил испытующий взгляд на разнообразные лица, его окружавшие, и на всех прочитал глубочайшее изумление, страх и даже раскаяние в невнимательности к нему. Публика готова была, по-видимому, тут же, на месте происшествия, подать ему бумагу с обстоятельным изложением вины своей и с просьбою о великодушном прощении... Публике, то есть обществу, Залетаев готов был тут же и простить, но Павла Александровича, но господина Громотрясова и в особенности Настасью Павловну – ни за что в мире! – Он решился поступить с ними, как граф Монте-Кристо поступил с своими врагами! Притом же этот Павел Александрович оказался решительным грубияном:

стоит себе с дочерью и приятелем и дремлет в ожидании своего экипажа. До него как будто и не касается то, что интересует нынче все высшее общество!

Вдруг Павел Александрович очнулся и вздрогнул – и уставил изумленные глаза на торжествующего Залетаева, который как будто на минутку только, и то по собственной надобности, очутился возле самого Павла Александровича. Пробуждение этой особы воспоследовало по причине повторения громового восклицания жандарма:

– Карету господина Залетаева!

Залетаев, с своей стороны, с язвительною почтительностью поклонился Павлу Александровичу и Настасье Павловне, а господину Громотрясову только посмотрел в глаза и не поклонился...

– А, и вы здесь, Залетаев! – заметил Павел Александрович в ответ на его язвительный поклон, очевидно стараясь скрыть от него свое душевное смущение по поводу «кареты господина Залетаева».

Настасья Павловна тоже с непростительною хитростью, не выказывая своих несомненно жестоких страданий по этому великому поводу, отвечала на его низжайший поклон:

– А, здравствуйте, Залетаев!

В эту минуту загредел в третий раз голос жандарма:

– Карета господина Залетаева!

Челонечек на пружинах засуетился у подъезда. Залетаев снова поклонился Павлу Александровичу и Настасье Павловне, снова бросил язвительный взгляд на господина Громотрясова – и величественно стал спускаться с лестницы. Между тем человек очищал ему дорогу: расталкивал лакеев – и всепокорнейше просил «господ» посторониться – дать пройти господину Залетаеву. Залетаев прошел благополучно и торжественно между двумя рядами расступившегося для него «общества».

Карета стояла у самого подъезда, так что все, и общество, и публика, и Павел Александрович с фамилиею могли видеть с лестницы, какая это карета и каков должен быть ее владелец. Человек на пружинах кинулся перед ним, отворил дверцы – и, усадив его в карету, закричал кучеру: «пошел». Карета загремела, покатила и исчезла с изумленных глаз пораженного общества. Залетаев, очутившись на мягких подушках, заплакал, зарыдал от полноты счастья, а человек, между тем, долго-долго бежал за его каретою, пока не потерял ее вовсе из вида... Проехав минут пять по Невскому, он дернул шнурок, и карета остановилась.

– Ты куда едешь, кучер? – спросил Залетаев.

– Домой-с, а то куда же еще?

– То-то, что вовсе не домой, – возразил Залетаев. – Ты меня вези по Невскому к Полицейскому мосту, а потом уж и доложи!

– У Полицейского моста?

– Я тебе говорю, братец, что не у Полицейского, а не доезжая Полицейского, у трактира: тут тебе налево будет трактир, так ты и остановись у самого подъезда. Слышь?

– Конечно!

– Ну, так ступай же себе с богом, да не спеши как на пожар, а когда приедешь – доложи. Карета снова двинулась мелкою рысью и через несколько минут остановилась.

– Что там? – спросил Залетаев.

– Приехали-с.

– Куда ж мы это приехали?

– Куда приказали-с – известно: к трактиру у Полицейского моста.

– Да ведь я тебе, братец, сказывал, что не у Полицейского моста, а не доезжая Полицейского! Вот ты какой человек, братец, нерасторопный!

– Да оно так и выходит, что не доезжая Полицейского моста – так оно, сударь, и есть!

– Почему ж ты не доложил обстоятельно, как следует?

Кучер, ничего не отвечая, слез с козел, отворил дверцы и стоял в ожидании высадки своего пассажира.

– Ну, ты меня, братец, не торопи, – говорил Залетаев, медленно вылезая из кареты: – ты делай, что тебе велят... Послушай!

– Что-с?

– Сколько тебе лет?

– Да лет уж будет тридцать.

– А из которой губернии?

– Костромской!

– И не женат?

– Ну, нет: жена есть и дети есть, в деревне остались, а я здесь по пращпорту.

– Ты по паспорту? А так это там... что бишь я – да, насчет Саратовской губернии: земли, говорят, много?

– Говорят, что так!

– Ну, и тово... так ты здесь себе благополучно и счастливо?

– Намедни отсрочку выхлопотал староста: руб с гривной стоит!

– А, да – стоит, стоит! Хорошо, братец, хорошо. Веди себя исправно, так барин тебе дурного слова не скажет!

Тут Залетаев умолк, оглянулся кругом, попробовал пересчитать фонари, мелькавшие перед ним, и, не кончив счета, стал приводить себе на память стихи какие-то, очень хорошие стихи, но не мог припомнить ни одного слова. Потом, взглянув на карету, почувствовал аппетит и бегом побежал на лестницу трактира.

– Вишь, какой барин чудной! – проворчал про себя кучер. – О Саратовской губернии с тобой толкует и насчет всего – а нет, чтобы догадаться да на чай дать человеку!

Через час Залетаев вышел из трактира, по-видимому совершенно сытый, и приказал кучеру ехать поскорее домой, к Каменному мосту. Кучер поспешил исполнить приказание, но только что он двинулся с места, Залетаев раздумал и велел остановиться.

– Послушай, братец, не знаешь ли ты хорошего человека? – спросил он, выглядывая из кареты.

– Хороших людей много на свете.

– Ну, я спрашиваю такого, который бы умел ездить за каретой?

– Такого не знаю.

– А если узнаешь, пришли, я тебе за это гривенник дам... двугривенный – слышь? Двугривенный, если достанешь человека? Ступай!

После этого он погрузился в бархатные подушки, вздремнул и не обращался уже к кучеру с приказаниями до тех пор, пока не почувствовал, что карета остановилась и кучер ведет разговор с дворником.

– Что там? – спросил он, выглядывая из кареты.

– Приехали-с.

– А! Нет, чтоб доложить своевременно! Ну, выпускай же! Ты своего дела решительно не знаешь! – продолжал он, выходя на тротуар. – Послушай, дворник, ты из здешнего дома?

– Как же-с, Нестор Филиппович! Я, чай, изволите знать, каждый вечер впускаю вашу милость в ворота.

– Помню, спасибо. А не знаешь ли ты хорошего человека: за каретой ездить?

– Хорошего не знаю-с!

– Ну вот уж ты и не знаешь! Мне хоть и не очень хороший... я тебе двугривенный – нет, два двугривенных дам, слышь?

– Не знаю-с! – подтвердил дворник.

– А если узнаешь, пришли ко мне. Я тебе тридцать... пять копеек серебром на конф... на водку, слышь?

– Слышу...

– Ну, то-то! Гей – извозчик! Завтра приезжай ко мне ровно в двенадцать часов пополудни. Слышь? Да скажи хозяину, что ты мне не нравишься: пусть пришлет другого, и лошади мне не нравятся – пусть переменит, я не люблю лошадей красного цвета...

– Да господь с вами, барин: какого они красного цвета? Они просто пегие – оттого и называется всюду – конь пегой масти!

– Я о том и говорю – конь пегой масти! Только я не люблю пегих коней. Пусть он мне пришлет других – как бишь они: есть такой цвет, ну, масть такая – это все равно – только есть?

– Зеленых вам, что ли-с?

– Ну вот, ты уж стал и грубить мне. Толком я тебе говорю, что мне нужно других, особенных лошадей – пусть будет одна серая, другая... ну и другая пусть серая, и обе пусть серые, или даже черные – или там караковые, ну вот, их-то я и спрашиваю: ведь у твоего хозяина есть такие лошади, караковые?

– Не знаю-с!

– Пусть он достанет у соседа, если у него нет, а мне непременно нужны – слышь? Мне никак нельзя – ступай! А я тебе пятиалтынный на орр... Ну! С богом!

III. Человека

На следующий день Залетаев предался важному и глубокому труду. Сняв со стола самовар и всякую посудину и разложив на нем несколько листов писчей бумаги, он принялся писать, рисовать, сочинять, одним словом, созидать гигантский проект... визитной карточки. Ясно, что труд был велик и требовал долготерпения, а о способностях и говорить нечего.

Добрых три часа употребил Залетаев на исполнение своего проекта, перепачкал десь бумаги – измучился и пал в бессилии под бременем собственной мысли. Так иногда художник, пораженный величием своей идеи, – не может управиться с материальным, механическим трудом, в котором хочет проявить ее, и, сбившись, спутавшись в бесконечность ее нитей, – производит нелепость, называемую в просторечии очень хорошенькою вещью.

Сочинил он – увы! Имея необъятный сюжет для визитной карточки, предположив создать совершенную карточку, начав с отрицания карточки, – он сочинил такое:

«Нестор Филиппович Залетаев.

У Каменного моста в доме Штрика, в № 1, 756, 539-м, спросить кухмистершу Феону Мартыновну».

И все свои надежды возложил на литографщика – авось он как-нибудь сочинит, а если не сочинит, так, значит, идея слишком велика.

Кончив свою работу, Залетаев принялся торопливо сообщать своей наружности свойственное ей благообразие и выразительность. Видно было, что он спешил на арену высшей общественной жизни. В это время он услышал звонок и вслед за тем разговор в передней, у дверей своей комнаты.

– Господин Залетаев здесь живет? – спросил незнакомый голос.

– Здесь, – отвечала кухарка.

Залетаев поспешил оправить свой скудный домашний наряд, не вполне соответствовавший его высоким нравственным достоинствам, придал по возможности торжественное выражение своему лицу и в таком усовершенствованном виде приготовился встретить неизвестную особу, которая о нем осведомлялась.

Дверь отворилась, и Залетаев увидел молодого человека благообразной наружности, одетого как будто «по последнему журналу», в палевых перчатках и с тросточкою в руках. Войдя в комнату, он поклонился Залетаеву с таким достоинством, что Залетаев смутился и даже струсил от удовольствия видеть у себя человека бесспорно великосветского.

– Господин Залетаев? – спросил молодой человек.

– Так точно-с, покорнейше прошу... вот здесь, здесь... Хозяйка у меня такая, никогда не уберет комнаты во-время, – объяснял Залетаев, подавая изящному незнакомцу один из своих двух стульев, тот, который казался понадежнее.

«Вот что значит карета! – мелькнуло в голове Залетаева. – Сейчас въехал в круг, да еще в какой круг! Не вам, может быть, чета, Павел Александрович!»

– Я слышал, что вам нужен человек, – сказал изящный незнакомец, располагаясь на поданной ему мебели и вертя тросточкою под носом Залетаева.

– Да-с, человек, – отвечал Залетаев в замешательстве и, дойдя, посредством быстрого и беспристрастного размышления, до сознания некоторого неряшества во всей своей фигуре и безобразия в комнате, которая могла показаться весьма неприличною светскому человеку, присовокупил, что его просили отыскать человека, и предложил незнакомцу сигару, которую тот принял и закурил с совершенно светскою непринужденностию...

– Так я слышал, – продолжал незнакомец, куря сигару и покачиваясь на стуле: – я слышал, что вам человека требуется?

– Точно так-с: просили знакомые... один знакомый господин – приезжий из Орловской губернии.

– А! Сколько вы платите за эту комнату? Хорошая комнатка.

– Двадцать восемь с полтиною – летом, и тридцать один с четвертью – зимою: теперь плачу тридцать один с четвертью.

– Со всем?

– Нет-с, безо всего.

– И без сапогов?

– Да-с... Нет-с, с сапогами.

– А насчет того, если человека требуется, для вас или для кого, можно и покончить... Что? Вы служите где-нибудь?

– Нет-с, я ведь – тово...

Залетаев точно горел на углях, так допекал его изящный незнакомец своею великосветскою непринужденностью.

– Вы не женаты? – продолжал незнакомец.

– Нет-с!

– А! Хозяйка есть, на всякий случай, без хозяйки нельзя!

И незнакомец лукаво подмигнул Залетаеву, пустил ему в глаза струю дыма и выкинул тросточкою какую-то ловкую штучку, чуть не задев его по носу.

Залетаев в совершенном смущении от великосветской любезности своего гостя отважился приступить к делу.

– А что же, позвольте спросить, насчет человека. Где и какой это человек?

– Я сам и есть желающий-с, – объяснил изящный незнакомец.

– Вы и че-ла-а-ве-эк! – произнес Залетаев тихим, шипучим голосом, выходящим с болью и яростью из глубины души его.

– Да-с, – отвечал человек, бросая на пол остаток выкуренной сигары: – если угодно, можно и покончить.

– Хорошо, хорошо... только не теперь: я дам знать, а теперь я занят.

– Прикажете понаведаться?

– После, после... я дам знать; а теперь я занят.

«Настоящий человек», так неожиданно выродившийся пред изумленными глазами Залетаева из светского человека, поклонившись ему с прежнею непринужденностью, вышел, а Залетаев предался позднему отчаянию и бешенству, что допустил себя до унижительной фамильярности с человеком, с таким человеком, которому и имени другого, порядочного нет...

«Ведь, боже мой, какие люди стали нынче! – рассуждал он, раздуваясь чувством собственного достоинства, в просторечии называемым гусиною спесью. – Вот народец-то удался: поди ты с ним, узнай его, поговори с ним, шапки не ломает, спины не согнет, и в лице у него такое, – козявка он глупая, подумаешь, что он то же, а он – человек!»

Помучив себя вволю этим злополучным происшествием, Залетаев решился, наконец, всю беду свернуть на человека. Он даже дошел до полного самооправдания, предположив, что предупредительность и подобострастие, с которыми он принял упомянутое существо, относились совершенно к другому, отвлеченному лицу, к представителю большого света, в который он, стало быть, заехал в известной четырехместной карете на лежачих рессорах; следовательно, оно, существо, поступило глупо, нелепо и низко, позволив себе воспользоваться изъявлениями нелицемерной преданности, глубочайшего почтения и всеми прочими изъявлениями, которые не относятся к людям настоящего лакейского звания.

Успокаивая по крайнему разумению своему взволнованное самолюбие, Залетаев услышал новый звонок и вслед за тем звучный голос, выходявший с лестницы:

– Здравия желаю-с! Человек требуется?

«Ну, теперь уж на эту удочку не пойду! – решил Залетаев. – Благо дело приобрел опытность, теперь уж нет, голубчики человеки. Ведь я вашего брата знаю!»

Он обернулся к дверям в ожидании нового человека.

Медленно вошла в комнату фигура с фиолетовым лицом и с щетинистой бородою, неизвестно, настоящею ли или временно допущенною по экономическим причинам. Она была одета в достаточно подержанную чуйку, того рода туземного наряда, который местное коммерческое юношество, по духу преуспеяния и самоусовершенствования, заказывает портным и в дело употребляет под нечестивым именем франкского пальто, а пред благонаправными тятеньками, которые наиболее придерживаются постоянства в сущности и форме вещей, выдают за нашу древнюю, от татар наследованную одежду, только укороченную несколько из хозяйственных видов. Костюм, прикрывавший новопоявившуюся человеческую фигуру, принадлежал к этому самому роду одежды: он не был, в сущности, ни пальто, ни чуйка, но мог играть, по надобности, роль пальто или чуйки. Кроме этой одежды, пришелец имел в руках лакированную коробку, не походившую ни на шляпу или шляпенку, ни на фуражку, но, несомненно, состоявшую в близком родстве со всеми существующими в степных губерниях так называемыми картузами. Из-под длинной чуйки, совершенно закутывавшей человеческую фигуру, выглядывали сапоги, которые Залетаев, по своему совершенному знакомству со всеми видами сапогов, различил с первого взгляда: один сапог скромный, без всякого внешнего блеска, был, однакож, сапог существенный, из прочного, первообразного типа сапогов выростковых; он стоял с твердостью и достоинством на своем каблуке и только резким скрипом проявлял свой жесткий, так сказать, спартанский характер; другой сапог, по-видимому случайно, по прихоти рока, стал товарищем первого. Он был щегольской, лакированный сапог, блистал как зеркало, но имел значительные трещины и шлепал подозрительно, из чего и следовало, что он – просто бесхарактерный промотавшийся франтик, покамест блещущий остатком «лоска светскости», но уже уничтоженный, доведенный до товарищества с простым выростковым сапогом.

– Здесь человека нужно-с? – произнесла человеческая фигура сипучим голосом, не шевеля губами и покосив глаза в темный угол комнаты Залетаева.

«Вот это человек!» – подумал Залетаев, любуясь совершенно человеческою наружностью стоявшей перед ним фигуры.

– Да, любезный, – отвечал он: – мне нужен человек; ты, что ли, желаешь итти в услужение?

Человек промычал: «мм-у-у!» и уставил глаза на Залетаева.

– Что же, ты, братец, знаешь всякую службу?

Человек начал медленно, не открывая рта:

– Сапоги почистить... самовар подать...

– Только?

– И состряпать! – присовокупил человек; потом, помолчав и углубясь по-прежнему глазами в темный уголок комнаты, как бы для отыскания там исчисления своих служебных способностей, присовокупил:

– Утром разбудить пораньше!

– А за каретой? Мне нужно человека, знающего за каретой ездить...

– Ну, и за каретой! – проговорил человек после долгого размышления.

– А ты служил прежде по хорошим господам?

– Теперь пришлось впервой.

– А, ты только начинаешь? Хорошо! Ну, так ты и за каретой можешь ездить?

– И за каретой... И московскую селянку приготовить!

– Э! Ну, мне селянку не нужно... а если уж так, ты, я думаю, сумеешь состряпать и яичницу?

– Я-я-ич-ницу? – спросил человек сипучим голосом и, покосив глаза на Залетаева, стал медленно изменяться в лице, которое из фиолетового цвета обратилось в синий, а потом перешло в бурый с пятнами. В этом виде он отвечал утвердительно:

– И яичницу!

– А главное – не пить! – продолжал Залетаев с одушевлением.

Бурый цвет человека снова изменился в нормальный, фиолетовый.

– А есть ли у тебя паспорт? Ты из какого звания?

– Я из разночинного, – прошипел будущий человек.

– Однакож ты имеешь какое-нибудь звание?

– Как же-с, там оно все обозначено, в паспорте.

– А где ж твой паспорт?

– На старой квартире, в прописке.

– А, в прописке, это хорошо: у честного человека паспорт должен быть всегда как следует по порядку. Так ты и за каретой ездить?

– Ездить! – подтвердил человек.

– Скоро ли можешь быть готов?

– Хоть сию минуточку.

– Хорошо, а насчет цены – я тебя, братец, не обижу, я тебя возьму на испытанье, на недельку – а там и решим.

– Слушаю-с.

– Ступай же ты теперь, если ты готов на службу, ступай ты, братец, к Миронову, каретнику, вот здесь, в Мещанской: ты его увидишь, он там сидит на скамье: скажи ему, что барин, господин Залетаев, велел сейчас прислать к нему карету, да чтоб лошади были не вчерашние клячи, нужно к хорошим людям ехать, так чтоб были лошади хорошие и кучер благоразумный, да и поторопи его, и подожди, а потом приезжай и доложи мне, братец... Ступай же себе с богом.

Фиолетовый человек, выслушав этот наказ, не спешил ступать; он постоял еще с минуту, подумал, потом, по своему обычаю, покосил глазами и медленно вышел из комнаты Залетаева, не потрудившись даже затворить за собою дверь.

«Эк я какого зверя – ну! – подумал Залетаев, весьма довольный приобретением человека. – Ведь разбойник он, я его знаю, он – птица, а у меня вот – человек». Тут Залетаев предался размышлениям о непостоянстве судьбы человеческой: какое она, лихая и своенравная, делает употребление из людей и до чего иной раз доводит человека.

Прошло в этих размышлениях около часа, когда стук экипажа, вдруг остановившегося у квартиры Залетаева, отвлек его от общих умозрений о судьбе рода человеческого к собственным своим интересам и планам. Набросив на себя шинель, он торопливо вышел из комнаты, сбежал по лестнице, с минуту постоял внизу, любуясь на свой ненаглядный экипаж и на своего фиолетового человека, стоявшего у дверей, потом юркнул в карету и крикнул кучеру: «На Невский!». В ту же минуту фиолетовый человек вскочил на запятки, и карета помчалась, потрясая, мостовую и слух пешеходов, к предназначенной ей цели.

IV. Приключения фиолетового человека

Вскочив на запятки кареты, усевшись на своем месте и закричав кучеру «пошел», фиолетовый человек бросил мутный взгляд вдоль улицы, по которой катилась карета, оглянулся и по сторонам, проник в булочную, где мелькала в «васисдасе» крупичатая курляндская ручка, взглянул искоса на длинный похоронный поезд, двигавшийся навстречу ему и его барину; при этом случае вспомнил о душе и изменился в лице, а поровнявшись с трактиром, в котором некогда с пользой препровождал время, шибко захлопал глазами и, вероятно от избытка ощущений, возбужденных в нем знакомою вывескою, ругнул на чем свет стоит всех маркеров², происходящих из Ярославской губернии.

Потом настоящая действительность перестала иметь над ним влияние, он сосредоточился, посинел и всю тяжестью своего разума погрузился в темную глубь истории – одного знакомого ему человека.

История началась тем, что на белом свете, именно в Москве и в Замоскворечье, был когда-то живой и бойкий парнишка, в полном величанье – Вокул Сергеич Рукавицын.

Этот Вокул Сергеич происходил отчасти из мещанского звания. Покойный тятенька его, человек торговый, зажиточный и до крайности рассудительный, дал ему приличное воспитание, такое, значит, воспитание, которое сообщает человеку отрицательные добродетели фонарного столба; выучил его русской грамоте настолько, что он мог разбирать старинную, достопочтенную печать, и посоветовал ему беречь копейку, а чтоб все это не вышло у него как-нибудь из головы, колачивал его исправно и регулярно, приговаривая, что не сына бьет, а дурака, и что дураку добра желает. Мальчишка, между тем, вырастал в длинного и до крайности благонаправленного парня, не пил ничего такого и не подал повода к предположению, чтоб терся где-нибудь по закоулкам. Тятенька втайне радовался, что из сынишки его выйдет человек получше других, выученных на басурманский манер.

Наконец и умер тятенька Вокула Сергеича, оставив ему родительское благословение и денег тысконок двадцать на торговлю или на другой честный промысел. Вокул Сергеич спровадил тятеньку на кладбище и душу его помянул как следует, по обычаю предков, а спустя шесть недель по смерти тятеньки опять помянул его душу и таким образом покончил все расчеты с виновником бытия своего. Потом задумал он такую думу: «Плохое было мне житье при чудаке покойнике, не тем будь помянут. Чуть не заел он меня совсем, покойник, да господь прибрал его, так мне теперь отдохнуть можно, самому на свет поглядеть и себя показать и пожить по-людски. Деньжонок с меня хватит: повеселюсь я на приволье, погляжу да высмотрю, что это за чудо такое светом Божиим называется?» Вот и стал Вокул Сергеич вести, так сказать, светскую, рассеянную жизнь. Поселился он в какой-то совершенно особой комнате у немецкой антрепренерки, урезал свои русые кудри и полы синего кафтана, а чуйку с зеленым отливом переименовал в плащ, купил галоши и зонтик да нанял лихача-извозчика, чтоб возил его по городу и за город, наказал накрепко величать его пристойно – барином и сударем, и таким образом стал весьма франтовитым человеком. Заглянул он в трактиры и бильярдные, стал поигрывать немножко для препровождения времени, угощать кое-кого из знакомых и незнакомых и щедро награждать служителей трактирных серебряными рублями за то, что ему подавали трубку. В одном трактире заметил он, что ему оказывают особенную внимательность и почтение как служители, народ обязанный, так и посторонние, ничем не обязанные, особливо один из посторонних, Осип Францевич, который занимал темное местечко в углу комнаты, ни к кому не обращался, а только смотрел исподлобья на всех и иногда разговаривал сам с собою. Такая черта внимательности тронула Вокула Сергеича, и он, с своей

² *Маркер* – служитель при бильярде, на обязанности которого лежало ведение счета очкам во время игры.

стороны, предложил Осипу Францевичу приличное угощение, от которого тот и не отказался. При этом угощении Осип Францевич признался Вокулу Сергеичу в своей искренней к нему привязанности, присовокупив, что происходит из такого-то звания и пострадал за правду, а если б не пострадал, то в эту пору сидел бы не здесь, а где-нибудь подальше. Вокулу Сергеичу полюбилась приязнь человека, пострадавшего за правду, и он попробовал в обращении с ним съехать на «ты». Осип Францевич не только не обиделся этою фамильярностью, но еще кинулся к Вокулу Сергеичу на шею, зарыдал горькими слезами, поцеловал его и назвал душенькою и мошенником. Эта сцена привела в сердечное умиление самого Вокула Сергеича и присутствовавших при ней трактирных служителей. Все были тронуты тем обстоятельством, что люди достопочтенные, в летах, чувствуют некоторое отеческое влечение к неопытному и неразумному юношеству мещанского звания. Вокул Сергеич, с своей стороны, возрадовавшись, что может запанибрата обращаться с таким человеком, объяснил ему, что он, слава богу, хоть и молод, однако смыслит кое-что и не дурак; эту фразу он запечатлел ударом по столу, так что приборы к обоюдному угощению с звоном и треском полетели на пол.

Вокул Сергеич доставил немедленно щедрое возмездие трактирщику за разбитую посуду и потребовал нового угощения для себя и своего приятеля. Потом отправился с ним на Пресненские пруды и там кутнул порядком. Таким образом завязалась между опытным старцем и неопытным юношею прочная, искреннейшая дружба. Осип Францевич, по своему философскому взгляду на жизнь, не имел постоянного жилища и препровождал досужное время в различных заведениях; Вокул Сергеич предложил ему жить у него в особой комнате, однако Осип Францевич откровенно объяснил, что не хочет стеснять доброго человека, а взамен особой комнаты попросил у него займы не на долгое время наличных денег, – тут уже Вокул Сергеич отказал в свою очередь, потому что он любил угощать люд божий на разных прудах и в трактирах, а помогать им в их житейских нуждах не любил. Осип Францевич замолчал и решился пользоваться одним угощением.

Раз как-то случилось, что Вокулу Сергеичу, после долгого употребления разных услаждающих душу напитков и яств, все надоело так, что уж он приходил в отчаяние от пресыщения и объявил своему почтенному приятелю, что с завтрашнего же дня думает заняться делом. Осип Францевич заметил, что есть на свете такие наслаждения, которых он не испытывал на своем веку.

– Что ж бы это было такое? – спросил Вокул Сергеич в изумлении.

– Да так, ничего, – отвечал Осип Францевич: – яичница, обыкновенная яичница.

– Только-то?

– Да, только-то! Обыкновенная яичница, которой вам не доведется и во сто лет покушать; а я так в свое время кушал. Помню, лет пятнадцать тому, когда я жил в провинции, купечество тамошнее провожало любимого начальника, который сменился с должности. Всякое там на прощанье было, но самое лучшее случилось на последней станции: приказали подать сковороду и яиц и состряпали яичницу на славу, состряпали, сударь, на ассигнациях... Вот оно что! Куда же нам с вами: и капиталу нехватит!

Осип Францевич бросил презрительный взгляд на Вокула Сергеича, отвернулся и стал барабанить по столу.

– Гей! Народ! Сковороду и яиц! – воскликнул Вокул Сергеич, обращаясь к служителям.

– Что вы, батюшка Вокул Сергеич! Неужто вы и в самом деле?

– Не рассуждать! Подавай, что велят! Сам буду стряпать.

– И, полно, Вокул Сергеич! – заметил Осип Францевич с насмешливою улыбкою. – Куда нам тягаться за людьми.

– Потягаемся! Вы думаете, что мы хуже других... Нет, мы, сударь, не хуже других, и смеяться над нами нечего. У нас про все достанет!

В минуту весть о великолепной яичнице облетела все заведение, и любопытствующий народ обступил Вокула Сергеича. Принесли снаряд для приготовления яичницы. Развели огонь... Вокул Сергеич начал свою стряпню: вынув из бумажника пачку мелких ассигнаций, он стал подкладывать их поодиночке под сковороду. Бумажки вспыхивали и исчезали...

Зрители этой стряпни, безмолвные, с вытянутыми лицами, восчувствовали глубочайшее благоговение к Вокулу Сергеичу.

Осип Францевич пил свой пунш, бросая косые, насмешливые взгляды на яичницу и на Вокула Сергеича.

Вокул Сергеич все подкладывал ассигнации: они все вспыхивали и исчезали. В третий раз достал он толстую пачку бумажек, и та в минуту исчезла. Яичница все еще не была готова.

– Что, скоро ли? – спросил Осип Францевич. – Никак яичница-то упрямится. Ну, брось ее, Вокул Сергеич. Лучше дай мне займы бумажку, другую; авось, добро будет.

– Не дам! – произнес Вокул Сергеич. – А ты меня яичницей не кори. Вот она, яичница, кушай!

– погоди маленько, приятель, – достань-ко еще пачку, другую, авось и состряпается яичница...

Снова Вокул Сергеич запустил руку в карман, чтобы достать пачку ассигнаций, однако пачки не оказалось. Обшарив себя кругом, он отыскал еще несколько тощих, оборванных бумажек и дрожащей рукою положил их под сковороду. Яичница вздулась и как будто решительно хотела состряпаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.